

О. А. БЕЛОБРОВА

О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках

Литературная слава выдающегося писателя Московской Руси Епифания издавна упрочила за ним прозвище Премудрого.

Известно, что с именем Епифания связан особый литературный стиль «плетения словес». Примечательна начитанность писателя и его близость к кругам разносторонне образованных людей.¹

Судьба сочинений Епифания Премудрого сложилась по-разному. Написанное им в конце XIV в. Житие Стефана Пермского в основном, по-видимому, сохранило первоначальную редакцию при переписке и распространении, продолжавшемся по XVIII в.²

Другое произведение Епифания — Житие Сергия Радонежского, созданное около 1418 г., напротив, подверглось многократным и сложным переработкам. Уже в середине XV в. его переделывал и дополнял Пахомий Серб.³ В XV и XVI вв. предпринимались минейные сокращения Жития.⁴ Наконец, в середине XVII в. Симон Азарьин осуществил добавление к Житию Сергия новых чудес.⁵

При этих условиях начало составления биографии Сергия могло быть забыто, заслоненное новыми авторами. Однако участие Епифания в этом литературном труде стало важным известием, которое сообщалось почти в каждом новом варианте переработанного или дополненного Жития Сергия, хотя бы в его заглавии.⁶ Так проявлялось уважение к писательскому труду предшественника и к его авторитету. Выступающий в роли первого биографа Сергия, Епифаний становился своего рода литературным героем.

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962, стр. 163—164.

² О списках Жития Стефана Пермского XV—XVIII вв. см.: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1888, стлб. 546—548.

³ В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953 (далее: В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб...), стр. 145—148.

⁴ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, (далее: В. О. Ключевский. Древнерусские жития...), стр. 116, 118; Е. Е. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. — ЧОИДР, М., 1909, кн. 2 (далее: Е. Е. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский...), стр. 3—11 (примечание).

⁵ Книга о чудесах пр. Сергия, творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов. — ПДП, вып. LXX, СПб., 1888.

⁶ Одно из исключений составляет редакция Жития, помещенного в Никоновской летописи под 1392 г. Ср.: ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 127—147.

Наиболее подробно раскрывается перед читателями эта роль Епифания в одной из редакций пространного предисловия к Житию Сергия.⁷ В Яблонский вслед за В. О. Ключевским⁸ относит его к епифаниевской редакции Жития.⁹

Это предисловие, как и весь текст Жития, было подробнейшим образом иллюстрировано в известном лицевом списке Жития Сергия конца XVI—начала XVII в.¹⁰

Епифаний представлен здесь на девяти из десяти первых листов списка (лл. 2—10). Читатель Жития встречается с условным портретом Епифания уже на втором листе. Рядом с главным персонажем Жития Сергием Радонежским, переданным крупным масштабом, даны два миниатюрных изображения Епифания: слева — стоящего в позе моления и обращенного к Сергию, очевидно, перед началом письма; справа — сидящего за работой писца — за составлением жизнеописания Сергия. Оба изображения Епифания сопровождаются здесь, как и на последующих листах, надписями, называющими его имя. Таким же предстает Епифаний и далее. В его изображении воплощаются не портретные, сколько-нибудь индивидуальные, а собирательные черты ученого монаха-книжника. Епифаний то заполняет раскрытый перед ним свиток (л. 4),¹¹ то указывает переписчикам какое-то место текста (л. 5), то призывает молитвой на помощь своего героя, самого Сергия (л. 7),¹² чтобы биографу достало «и дара слову, разуму, и памяти».¹³

Художники-миниатюристы изображают Епифания в различной обстановке. В условно переданном интерьере каменного здания мы видим то одинокую келью (лл. 2, 3), то переписную сводчатую палату, где сидит несколько грамотеев-переписчиков (лл. 4, 5, 6, 8, 9), меняется убранство келий и палат, в них разного характера столы, табуреты, иконы с изображением то богородицы с младенцем (лл. 2, 6, 7), то Спаса оглавного

⁷ Текст этого предисловия с отдельными разночтениями опубликован в следующих изданиях: Леонид, архим. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. — ПДП, вып. LVIII, СПб., 1885 (далее: Леонид. Житие...), стр. 2—9; ВМЧ, сентябрь, дни 25—30, стлб. 1463—1469.

⁸ В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 99. Это предисловие встречается не во всех редакциях Жития Сергия. Иногда известие о Епифании помещалось в конце Жития, в послесловии. Ср.: Н. С. Тихонравов. Древние жития преп. Сергия Радонежского. М., 1892, отдел II, стр. 59; ВМЧ, сентябрь, дни 25—30, стлб. 1462.

⁹ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 39.

¹⁰ ГБЛ, ф. 178, собр. Муз. 8663. Ср.: Леонид, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в Ризнице свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1881, стр. 47—48; Ю. А. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книги Ризницы Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921, стр. 65—67; А. Н. Свириин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 113—114; Ю. Н. Дмитриев. «Строгановская школа» живописи. В кн.: История русского искусства, т. 3, М.—Л., 1955, стр. 675—676.

В. П. Зубов рассматривает редакцию Жития Сергия в этом списке как свод различных текстов и находит в ней некоторые элементы ранней епифаниевской редакции. См.: В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб..., стр. 150—152. Этот лицевой список был издан литографским способом в Троице-Сергиевой лавре в 1853 г. Ср.: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и вся Россия чудотворца. В литографии свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1853. Миниатюры получили здесь вид контурных прорисей (далее: Житие... Сергия).

¹¹ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, рис. на стр. 279. Цветное воспроизведение см. в кн.: Древнерусская миниатюра. М., Academia, 1933.

¹² «и самого того призываю Сергия на помощь», — говорится в предисловии. Ср.: Леонид. Житие..., стр. 6.

¹³ Леонид. Житие..., стр. 8.

(лл. 3, 8, 10).¹⁴ В миниатюрах встречаются свитки и тетради, иногда они совмещены. Это буквально соответствует тексту предисловия.¹⁵

Епифаний изображается таким же, как остальные писцы и иноки: в черном клобуке, в коричневой фелони и светло-коричневом подряснике. В его изображении повторяется один и тот же тип старца с седой бородой.¹⁶

Примечательна в этом лицевом списке несколько наивная, но достаточно выразительная попытка подробно воспроизвести процесс литературного творчества. Епифаний представлен в кругу старцев — современников Сергия (лл. 5, 6, 7) (рис. 1). Он спрашивает их о Сергии, и они отвечают ему. Один из этих «старцев древних, достоверных, бывших самовидцев» для наглядности представлен в беседе с Сергием в правом верхнем углу миниатюры (на л. 5). На л. 8¹⁷ два верхних угловых изображения дают представление о том, как еще до создания написанного текста Жития Сергия устное предание о нем «повсюду обносимо, по далним же странам, и по градом, мужа явленна и именита всем того исповедающим». Миниатюрист изображает здесь две группы людей, слушающих рассказы современников о Сергии; слева — это три юноши возле монаха-старца; справа юноша с женщиной и обращенный к ним мужчина средних лет, по-видимому «мирянин», с непокрытой головой; одна его рука поднята как у жестикулирующего рассказчика. Эти изображения наделены особенной живостью. На их фоне несколько однообразная характеристика Епифания становится более выразительной и многосторонней. Повторяющиеся на девяти первых листах списка изображения Епифания невольно напоминают тавтологические приемы в его изложении, в его «плетении словес».

При сравнении Епифания с другими реальными лицами, представленными в миниатюрах Жития, обращает на себя внимание одна интересная особенность. Известно, что миниатюристы изобразили в этом списке таких современников Епифания Премудрого, как Андрей Рублев,¹⁸ как Ермола-Ефрем из рода Ермолиных,¹⁹ как, наконец, Пахомий Серб.²⁰ Все они представлены в окружении рядовых персонажей и отличаются от них нимбами, хотя не были канонизированы. Епифаний Премудрый нимба не имеет ни на одном из его одиннадцати изображений — ни там, где он возле Сергия, ни там, где он явно главенствует над писцами. Едва ли это случайность, которая проявилась, например, при изображении Андрея Рублева: на трех миниатюрах, место действия которых — Андрониев монастырь, он с нимбом; на четвертой, в Троицком монастыре, — без нимба.²¹

¹⁴ «Сего господа бога спаса мощника на помощь призываю», — читаем в предисловии. — Леонид. Житие... стр. 8.

¹⁵ «Имехя же у себе за 20 лет приготованы такового списания свитки, в них же беаху написаны некия главины еже о житии старцеве памяти ради: ова убо в свитцех, ова же в тетратех...». — Леонид. Житие... стр. 2—3.

¹⁶ Эту особенность, что «тип каждого определенного лица сохраняется во всех случаях, где это лицо появляется», — отмечает А. Н. Свирин. Ср.: А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра, стр. 114.

¹⁷ А. Н. Свирин. Искусство книги в древней Руси. М., 1964, рис. на стр. 260.

¹⁸ История русской литературы, т. II, ч. 1, рис. на стр. 192; Н. Н. Воронин. Лицевое житие Сергия как источник для строительной деятельности Ермолиных. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958 (далее: Н. Н. Воронин. Лицевое житие Сергия...), прорис миниатюры на стр. 574; Житие... Сергия, лл. 226 об., 227, 227 об. и 289 об.

¹⁹ Н. Н. Воронин. Лицевое житие Сергия... стр. 574.

²⁰ ГБЛ, фонд 178, собр. Муз. № 8663, лл. 347 об. и 348.

²¹ Н. А. Демина. «Троица» Андрея Рублева. М., 1963, рис. на стр. 29. Андрей Рублев был представлен неодинаково в разных главах и, может быть, различными миниатюристами.

Наиболее интересно сравнение между изображениями двух писателей, биографов Сергия — Епифания и Пахомия. Подобно Епифанию, Пахомий представлен в условном типе ученого монаха-писца. Следует заметить, что

Рис. 1. Епифаний Премудрый за составлением Жития Сергия Радонежского (ГБЛ, ф. 178, собр. Музейное, 8663, л. 6).

от других персонажей он отличается только нимбом и надписью, называющей его имя. Изображен он всего два раза, притом в конце списка, на его последних листах, в соответствии с текстом послесловия. И хотя Епифаний занимает видное место на первых миниатюрах, а Пахомий фигурирует эпизодически лишь в конце, художники отличили нимбом только последнего (рис. 2). Текст Жития Сергия Радонежского не дает прямых объяснений этой разнице. Названный учеником Сергия в послесловии Пахомия, Епифаний в миниатюрах оказывается низведенным в ранг лиц, не удостоившихся этого знака особого церковного почитания. Между тем «ученики» Сергия Исаакий, Стефан, Андроник, Михей представлены в миниатюрах с нимбами.

Может быть, столь скромное изображение Епифания Премудрого соответствовало «особой позиции древнерусского писателя к своему произведению»,²² следуя которой, Епифаний сообщил о себе в предисловии к житию Сергия: «...яко немощен есмь и груб и неразумичен».²³ Этому объяснению противоречит, однако, то обстоятельство, что подобное же самоунижение второго биографа Сергия выдает и послесловие Жития: «мне, недостойному Пахомию», «мне, смиренному»²⁴ и т. п. Может быть, нимб Пахомия указывает, что его работа над Житием Сергия Радонежского во второй поло-

²² Ср.: О. Ф. Коновалова. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 205—211.

²³ Леонид. Житие..., стр. 8; ВМЧ, сентябрь, дни 25—30, стлб. 1468.

²⁴ ВМЧ, сентябрь, дни 25—30, стлб. 1461.

вине XV в. воспринималась как освященная церковным авторитетом, что пахомиевская редакция Жития была более приемлемой, чем недошедшая до нас епифаниевская? Сказалось ли здесь особое уважение к памяти Пахомия как приезжего с Афона ученого монаха, подобно тому как стал почитаться с конца XVI в. Максим Грек? Вопрос требует, по-видимому, своего специального разрешения, тем более что в этом лицевом списке мы встречаемся, может быть, с единичным случаем изображения Пахомия Серба.

Зато изображения Епифания Премудрого не остались единственными и после их появления в лицевом Житии Сергия.

Уже отмечалось, что в послесловии к Житию, написанном от лица Пахомия, Епифаний назван учеником Сергия. Так возник своеобразный парадокс: Епифаний-биограф, жизнеописатель Сергия, стал прославляться и изображаться в дальнейшем как ученик своего же (притом только одного из двух) литературного героя.

В качестве «ученика» Сергия Епифаний Премудрый, по-видимому, в XVII в. становится хотя и не канонизированным, но «местно чтимым» в Троице-Сергиевой лавре, тем более что он жил в Троицком монастыре и был погребен в нем около 1420 г.²⁵

Наряду с уважением к нему как к писателю, которое видно из предисловия к «новым чудесам» Симона Азарьина, имя Епифания в XVII в. встречается со скромным духовным саном диакона и не всегда уже сопровождается эпитетом «премудрый».

Судить об этом позволяет целый ряд источников. Среди них наиболее примечательна икона конца XVII в., изображающая Сергия Радонежского

Рис. 2. Пахомий Серб за переделкой Жития Сергия Радонежского. (ГБЛ, ф. 178, собр. Музейное, 8663, л. 347 об.).

²⁵ Леонид, архим. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880, № 86, стр. 11—12.

в кругу учеников.²⁶ Это произведение станковой живописи (36,5×31,5 см) создано было для какого-то небольшого помещения по типу так называемых «моленных» икон. Изображения 26 персонажей, в рост, обращенных к представленной на верхнем поле «Троице», расположены в три ряда. Среди них мы находим Максима Грека (справа внизу), Дионисия Зобниновского (слева внизу), Епифания Премудрого (справа в среднем ряду). Здесь все изображения — от Сергия и Никона Радонежских до малоизвестных Никифора Боровского, Иоаннкия и Елисея,²⁷ включая также и «Епифания диакона», — представлены с нимбами. Масштаб изображения всех персонажей одинаков, подобно тому, как уравнивались все «святые» на минейных иконах. Характеристика каждого персонажа отличается разнообразными атрибутами священнического или монашеского сана (белый клобук Феодора — архиепископа ростовского; черная камилавка Максима Грека; митра, евангелие и фелонь Дионисия Зобниновского; архиерейская мантия Серапиона — архиепископа новгородского, и т. д.). Цветовая гамма изображений довольно богата; она выдержана в холодных тонах; мантии и фелони сверкают золотой штриховкой. Епифаний Премудрый не выделяется из числа остальных «учеников» Сергия. Как и все они, Епифаний представлен в трехчетвертном повороте к центру; обе его руки протянуты вперед, фигуре сообщено легкое движение, подчеркнутое складками светлого подризника, фелони, епитрахили. Надпись над нимбом называет его «св. преп. Епифан диякон». Подобная надпись («Преподобный Епифаний диякон»), наведенная чернью по серебру, находится на пластине оклада, который представляется близким времени создания иконы (он был снят в процессе реставрации живописи и затем вновь одет).

В Троице-Сергиевом монастыре эта икона считалась, по-видимому, реликвией: она хранилась в Ризнице,²⁸ среди довольно ограниченного числа предметов. Икона аналогичного сюжета существовала здесь и раньше. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 гг. называет в древнем Троицком соборе «образ мстной обитель живоначальные троицы в лицах, написан преподобный чудотворец Сергей со ученики, обложен серебром, басмою, золочен; у святых венцы резные, золочены; поставление князя Алексея Ивановича Воротынского».²⁹ На большой

²⁶ Собрание Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, инв. № 2717. Ср.: А. В. Горский и. Историческое описание свято-Троицкой Сергиевой лавры. ч. 1. — ЧОИДР, М., 1878, кн. 4, стр. 41; Е. Е. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский..., стр. 93; Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. Сергиев, 1920 (далее: Ю. А. Олсуфьев. Опись икон...), стр. 189, № 384/446. Икона реставрирована в Гос. Центральной художественно-реставрационной мастерской им. И. Э. Грабаря в 1959 г. В. В. Филатовым.

²⁷ А. В. Горский (Историческое описание..., стр. 51) указывает, что эти три «ученика» Сергия известны только по изображению на иконе. Е. Е. Голубинский (в кн.: Е. Е. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский..., стр. 93) ссылается на ту же икону, упоминая двух «учеников»: Иоаннкия и Елисея.

²⁸ А. В. Горский. Историческое описание..., глава IV, раздел V, стр. 41. При перечислении «учеников» Сергия на иконе Епифаний не назван (видимо, пропущен).

²⁹ Опись Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 годов, л. 53. Рукопись. Загорский гос. историко-художественный музей-заповедник. В настоящее время в Троицком соборе этой иконы нет. Отрывок из Описи 1641—1643 гг. приведен в кн.: Е. Е. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. — ЧОИДР, М., 1909, кн. 3, стр. 194. Голубинский связывает известие Описи с иконой, находящейся в настоящее время в Успенском соборе Троице-Сергиева монастыря, на юго-западном столбе. Ср. рис. в кн.: Никон. Житие и подвиги преп. Сергия. 5-е изд. Троице-Сергиева лавра, 1904, рис. к стр. 215. До проведения расчистки и специальных исследований поздней живописи иконы Ю. А. Олсуфьев датировал ее XVI в. Ср.: Ю. А. Олсуфьев. Опись икон..., стр. 36.

формат иконы указывает выражение «образ местной». Трудно судить, был ли изображен здесь среди учеников Сергия Епифаний Премудрый. Во всяком случае он не был представлен ни на одной из двух больших икон подобного сюжета типа «местных», ныне находящихся на столбах Успенского собора Троице-Сергиева монастыря и имеющих живопись XIX в. (под которой мог находиться и более древний слой).³⁰ «Ученики» Сергия Радонежского (Никон, Савва Сторожевский, Максим Грек, Андроник и Михей, Павел и Сергей Обнорские) были представлены и в фресковой росписи Духовской (Сожественской) церкви Троице-Сергиева монастыря, выполненной «повелением» патриарха Никона в 1655 г. Описание этой росписи,³¹ утраченной еще в XIX в., не отличается полнотой, поэтому нельзя судить, был ли представлен в ней Епифаний Премудрый. В фресках Успенского собора (1684 г.) Епифания среди «учеников» нет. Однако его включала не дошедшая до нас стенная роспись Михеевской церкви XVIII в., возобновленная в 1871 г. по первоначальной. Леонид сообщает, что «Преп. Епифаний изображен в мантии со свитком в левой руке и с надписью над ним „диакон“, согласно старым русским святым и иконописному подлиннику».³² Действительно, источником для изображения Епифания Премудрого среди многочисленных «учеников» Сергия служило уже не Житие или его предисловие, а какой-то иной материал.

Как мы видели выше, подробное повествование о роли Епифания в качестве биографа Сергия было как бы за рамкой Жития — в одной из редких редакций предисловия к нему. Известие о Епифании как «ученике» Сергия Радонежского также не входило в основной текст Жития. Оно приводилось лишь в пахомиевском послесловии, в разных его вариантах. Понятие «ученика» Сергия между тем раскрывается во всех, в том числе ранних, редакциях Жития. Символически оно фигурирует в эпизоде «о видении святым (Сергием, — О. Б.) своих учеников — птиц красных».³³ Конкретно же в Житии Сергия (в разных его редакциях) сообщается далеко не о всех исторических лицах, которых много позднее связали с культом Сергия как «учителя». В списках Жития XV—XVI вв. «учениками» называли тех немногочисленных современников Сергия, которые создавали с его ведома, в его время новые монастыри и следовали его «стопам», главным образом в деле монастырской колонизации земель. В XVII в. в число «учеников» Сергия попадают новые лица, как близкие его времени,

³⁰ Одна из этих икон — «Собор святых учеников преподобного Сергия» — находится на западной грани юго-западного столба Успенского собора. Икона опубликована также в кн.: Никон. Житие преп. Сергия, рис. к стр. 215. Эта икона до 1920-х годов находилась в притворе Троицкого собора (ср.: Е. Е. Голубинский. Преп. Сергей. — ЧОИДР. М., 1909, кн. 2, стр. 94, прим. 1; Ю. А. Олсуфьев. Опись икон..., стр. 36). Пробная расчистка подтвердила ее датировку XIX в. и поставила под сомнение, был ли на этой иконе более древний слой живописи XVII в. Ср.: Ю. А. Олсуфьев. Дополнение III к Описи икон Троице-Сергиевой лавры (1920). Сергиев, 1927, стр. 11. Другая икона с тем же наименованием изображает 32 персонажа, но имеет иную композицию. Находится в настоящее время на восточной грани северо-восточного столба Успенского собора. Не воспроизводилась в изданиях.

³¹ ЦГАДА, фонд 1204, оп. 1, ед. хр. 684, 1777 г., О расписании Сожественской церкви стенным писанием, л. 88 об.

³² Леонид, архим. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, № 86, стр. 11—12. Ср.: Надписи в церквях свято-Троицкие Сергиевы лавры, ч. 1. 1874, VIII, л. 64а—64б. Рукопись. Загорский гос. историко-художественный музей-заповедник. «Епифаний диакон» назван здесь среди 27 «учеников» Сергия.

³³ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. 46—53. Ср.: Н. С. Тихонравов. Древние жития преп. Сергия, отд. 1, стр. 41, 112; отд. II, стр. 25.

так и жившие спустя столетия. К ним относятся Максим Грек, Дионисий Зобнинский — из лиц, подвизавшихся в позднейшее время в Троице-Сергиевом монастыре; к ним были отнесены художники Даниил Черный и Андрей Рублев, а также «старцы Александр и Родион, нарицаеми Пересвет и Ослябя».³⁴ Понятие «ученик» Сергия Радонежского к XVII в., таким образом, переосмысливается, выходит за пределы житийной традиции и приобретает более самостоятельный смысл. Так создается наряду с культовым, церковным почитанием «местно чтимых», «преподобных» и «святых» прославление литературными и живописными средствами реальных, порой действительно выдающихся исторических лиц, о которых не забывала память народная. К их числу и следует отнести Епифания Премудрого, который был приобщен к культуре Сергия Радонежского по праву его первого биографа в виде своеобразного вознаграждения за труд писателя.

Судить об этом позволяют наблюдения над списками тех новых источников об «учениках» Сергия, которые появились лишь в XVII в. и, возможно, связаны с именем Симона Азарьина. Речь идет о его работе над святыми, которую он продельвал, может быть, в связи с добавлениями «новых чудес» Сергия Радонежского. Известный рукописный сборник № 203 (ГБЛ, ф. 173) вклада Симона Азарьина не случайно содержит список сочиненных им «новоявленных чудес» Сергия, а далее — выписки из святцев (по определению Леонида, составлены после 1652 г.³⁵). Здесь, как и в беловом списке тех же выписок из святцев (в сборнике историческом № 201³⁶ того же собрания), имеется особая глава — «Преподобного ж Сергия ученицы, свидетелствовани быша в житии его и в прочих по-вестех».³⁷ Всего здесь перечислено 22 «ученика», в их числе «Преподобный Епифаний Премудрый, иж списавый житие преподобного Сергия чудотворца». В списке известной «Книги глаголемой описание о российских святых»³⁸ сведения о Епифании несколько лаконичнее: «преподобный диакон премудрый, бысть ученик святаго Сергия чуд». Здесь опускается указание на писательский труд Епифания, видимо, подчеркнутое в святцах Симоном Азарьиным. По составу и по количеству «ученики» Сергия в приведенных святцах, с одной стороны, и в списке «Книги глаголемой о российских святых» — с другой, не совпадают.³⁹ Это показывает, что и в литературе, и в изобразительном искусстве XVII в. своеобразный культ «учеников» Сергия Радонежского варьировался, изменялся, т. е. не был каноничным и догматичным. Созданное Симоном Азарьиным или его предшественниками описание «учеников» Сергия, продолженное составителем перечня «Града Радонежа святых», было тем новым литературным источником, который определил возникновение икон и фресок с изображением в числе других и Епифания Премудрого. Эти изображения немногочисленны, скорее единичны. Но они были допущены и даже рекомендо-

³⁴ ГБЛ, ф. 173 (МДА), № 201, л. 303. Ср.: Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троице-Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии), вып. 1, М., 1887, стр. 149.

³⁵ ГБЛ, ф. 173 (МДА), № 203. Ср.: Леонид. Сведения о славянских рукописях, стр. 86—92.

³⁶ ГБЛ, ф. 173 (МДА), № 201.

³⁷ Там же, л. 332—333.

³⁸ Там же, № 209, лл. 30—31 об. Ср.: Леонид. Сведения о славянских рукописях, стр. 98—99.

³⁹ Ср. текст «Книги» в издании: М. В. Толстой. Книга глаголемая описание о российских святых. — ЧОИДР, М., 1887, кн. 4, стр. 79 и сл. Ср. также: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. Приложение, стр. IV.

ваны для иконописного воплощения. Уже Ф. И. Буслаев, обратившийся к составу сборного строгановского иконописного подлинника первой половины XVIII в., опубликовал перечень «учеников св. Сергия Радонежского». Здесь под номером 14 приводится следующее описание: «Епифаний дьякон. Сед, брада пошире и короче (чем у Сергия, — О. Б.), власы с ушей. Риза препод.»⁴⁰

Так складывается своеобразный путь распространения известности Епифания: от автора житий Стефана Пермского и Сергия Радонежского до «местно чтимого» в Троицком монастыре, включенного без официальной канонизации в святцы и в иконописный подлинник. Сам по себе этот путь довольно типичен и обычен для древнерусской (как и вообще средневековой) культуры: реальное историческое лицо, получившее известность, окружается легендой. Его литературный образ, иногда воплощенный и в живописи, проникает в круг церковно-этических представлений, модифицируется там по-своему и, если иллюстрируется, приобретает уже вид иконы или церковной фрески. Как ни условны, как ни ограничены эти новые изображения и представления об интересующей нас исторической личности, они все же восходят к памяти о ней и к оценке современников.

Еще одну особенность в отношении Епифания Премудрого представляет календарная дата, к которой была приурочена в XVII в. память о нем (по святцам и по иконописным подлинникам).

Как известно, для церковного почитания какого-либо лица день календаря выбирался в связи с важным событием: датой его смерти, проявлением «чудес», перенесением мощей и т. п. Для Епифания, биография которого к XVII в. была известна в самых общих чертах, по-видимому, не нашли такого события. И память его была записана за 12 мая⁴¹ — в день, когда в минаях греческой и русской православной церкви отмечался авторитетный писатель IV в. Епифаний Кипрский, известный на Руси уже с XI в. Была ли дата 12 мая выбрана по аналогии имен или по другим причинам — неизвестно. Невольно припоминается, что сам Епифаний Премудрый, по-видимому, знал сочинения Епифания Кипрского: в Житии Сергия упоминается о двенадцати камнях на ризе первосвященника⁴² (причем миниатюрист дает любопытное его изображение в богатом саккосе и фригийской шапочке), хотя и без ссылки на автора известного «Слова». Примечательна в том же отношении подстрочная запись на одной пергаменной рукописи Троицкого собрания, под 1380 г.: «Господине святый Епифан Кипрский, соименниче мой, елейсон ми», по определению Голубинского, — автограф самого Епифания Премудрого.⁴³

Чтобы составить представление о действительных границах распространения известности Епифания в Древней Руси, необходима дальней-

⁴⁰ Ф. И. Буслаев. Литература русских иконописных подлинников. — В кн.: Исторические очерки народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 355.

⁴¹ В. О. Ключевский (в кн.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 90) ссылается на эту публикацию Ф. И. Буслаева и на рукопись ГБЛ — ф. 173 (МДА), № 209 — для установления диаконалского сана Епифания.

⁴² Сергий, архиеп. Полный месяцеслов Востока, т. II. Владимир, 1901, Приложение III, стр. 558.

⁴³ ВМЧ, сентябрь, дни 25—30, стлб. 1515.

⁴⁴ ГБЛ, ф. 304 (ТСЛ), № 22. Стихирарь 1380 года, л. 98. Ср.: Е. Е. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский... — ЧОИДР, М., 1909, кн. 2, стр. 91, прим. 2. Эта подстрочная запись опубликована в кн.: Арсений и Иларий. Описание славянских рукописей библиотеки свято-Троицкой Сергиевой лавры. — ЧОИДР, М., 1878, кн. 2, стр. 36—37, где приведена ошибочная датировка рукописи, уточненная И. И. Срезневским. Ср.: И. И. Срезневский. 1) Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1882, стлб. 240—241; 2) Славяно-русская палеография XI—XIV веков. СПб., 1885, стр. 251.

шая углубленная работа над изучением его художественного стиля, словаря, репертуара его источников и т. п. Только тогда с определенностью можно будет решить вопрос о принадлежности приписываемых ему сочинений, таких, как «Похвала Сергию», «Послание к другу Кириллу», «Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму».

В немногочисленных изображениях Епифания Премудрого и в их литературных источниках мы встречаемся с отблесками его большой славы, которая не случайно утвердила за ним устойчивое прозвище «премудрейшего» — редкое для писателей Московской Руси конца XIV—начала XV в.
